

18+

Василиус Кошкин
*Нора в Европу, или Опять
Пушкин и Кошкин*

Правдивые просто до невероятности истории

Василиус Кошкин

**Нора в Европу, или Опять Пушкин
и Кошкин. Правдивые просто
до невероятности истории**

«Издательские решения»

Кошкин В.

Нора в Европу, или Опять Пушкин и Кошкин. Правдивые просто до невероятности истории / В. Кошкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517307-2

Нора это пространство, ведущее в глубь, но что там, в глуби, не узнаешь, пока не углубишься. Это не окно, в которое можно разве лишь мечтательно разглядывать туманные дали: нора реальна — углубляйся кто смелый! Новый опус про Пушкина и Кошкина — полный странных и неожиданных приключений и сюрреалистики! Если кто еще не знаком с Кошкиным, то, пожалуй, самое время и познакомиться. Потому как не знать Кошкина, это значит не знать и Пушкина.

ISBN 978-5-00-517307-2

© Кошкин В.
© Издательские решения

Содержание

Нора в Европу	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Нора в Европу, или Опять Пушкин и Кошкин Правдивые просто до невероятности истории

Василиус Кошкин

© Василиус Кошкин, 2020

ISBN 978-5-0051-7307-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Василий Кошкин

К читателю от сочинителя

Читатель, если тебе уже знаком «Волшебный стакан», первое мое творенье про Пушкина и Кошкина, то ты можешь просто спокойно пропустить сие краткое обращение к читателю неискушенному – хотя и не премину похвалить тебя за интерес к литературным моим плодам.

Чтение, как уже и прежде было сказано, вострит глаз и ум, и часто иные лица поначалу и не имея никакой собственной мудрости чтеньем, однако, вскоре вполне обретают оную. Как это в свое воемя верно заметил знаток душ человеческих Козьма Прутков: «Бывает, что усердие превозмогает и рассудок».

Про обретение мудрости было сказано мною уже и ранее в прежних моих книжках и дабы не повторяться, отсылаю любознательного читателя еще не знакомого с «Волшебным стаканом» прямо к сему краеугольному опусу, поскольку там изрядно и пространно представлены фигуры Пушкина и Кошкина в их истинном и натуральном виде.

Посему и советую пытливому и ищущему истин читателю в книгу сию непременно заглянуть для собственной же его пользы ибо там самым превосходным образом сочетается приятное с полезным, а возможно и прочими покуда незамеченными положительными качествами да и кроме того, как ранее сказано происходит и острение глаза и ума.

Некий весьма искушенный в познании людских натур аглицкий мудрец после ряда многолетних исследований пришел вдруг к такому неутешительному заключению, что – «опыт есть ум дураков». Он, конечно, разумел опыт, кой обычно приобретается на своей собственной шкуре вследствие собственной неискушенности. Опыт же приобретенный на чужих шкурах не только похвален, но и разумен, ибо как же иначе его и приобрести не будучи дураком?

А чтение есть, пожалуй, наилучший способ обрести всякого рода опыт, не повредив, однако, при этом и собственной своей шкуры.

Такую чудеснейшую возможность для сего и преподносит вам ныне с низайшим покло-
ном

слуга ваш всепокорнейший
Василиус Кошкин

Нора в Европу

Прими собрание пестрых глав,
Полу-смешных, полу-печальных...
А. С. Пушкин

Просыпается раз поутру Пушкин, а Кошкин его уж и за бакенбард тербит:

– Собирайся брат Пушкин, в заграницы поедом. Я ход подземный открыл! Кто прорыл, правда, неизвестно: может и самозванец еще в смутные времена наозорничал, а может и граф Калиостро или опять же Наполеон, хотя не исключено что и масоны тайно подкапывались. Да и мало ли кто еще и из иных каких иноземцев в пределы Российские тайком: неприметным подземным путем проникнуть старался, но похоже что ход сей прямо в самую Европу и ведет.

– Ну и ну, – подивился Пушкин, – и бывает же такое!

– Оно, брат, понимаешь, вроде как окно в Европу – только еще и лучше, – объясняет и дальше Кошкин, – в окно-то разве только глядеть можно, а тут раз-два и в самой Европе окажешься! Во, брат, как!

– Да у нас же и денег-то нынче нет на эдакое предприятие, – заотнекивался было Пушкин.

– А ничего, там на западе сразу и заработаем, – успокаивает Кошкин, – там литераторы-то, слышно, круто живут. Гете, Шиллер или Байрон, например, сидят трубочки знай себе покуривают да в окошки поплевывают, а денежки меж тем мешками загребают. То есть они сами собой загребаются, без всяких со стороны внешних усилий. И Вальтер Скотт, слышно, тоже ничего – славно преуспевает. Скрипят, брат, себе перьями во все лопатки – не скучают! В день по два пуда бумаги, как слышно изводят, что ни неделя – то новый роман и все с продолженьем. Вот что значит истинная культура! Там же у них полная свобода, понимаешь. Они там марсельезу каждодневно поют и равенство и братство прославляют! И все там у них равны и люди и звери. Там любая букашка миллионером стать может в два счета. Да и бизнес у них кругом – деньги так просто сами собой в карманы и прут. Во жизнь – сплошная демократия! И ни воров там нет ни нищих, поскольку полное процветание и прогресс. Не как у нас – одно

тебе рабство беспробудное да деспотизм азиатский, и носа на улицу казать неохота и в окошко даже глядеть противно. Только на боку лежать и остается.

– Конечно, взглянуть бы не худо было, – соглашается Пушкин, как они там живут-существуют европейским-то манером. Для житейского опыта и общего развития весьма бы оно, конечно, полезно оказалось. Опять же и для литературы не худо – новых впечатлений вдохнуть и с литераторами европейскими на равной ноге пообщаться.

– Ну, так давай, собирайся тогда, – торопит Кошкин, – а то еще вдруг возьмут да закроют нору-то. Знаешь ведь какие порядки-то нынче. Донесет какой-нибудь ревнитель устоев, что нора, мол, тайная, в заграницы ведущая имеется и все – вмиг тебе лазейку и прикроют!

– А как же ты умудрился ход-то этот подземный обнаружить? – не удержался тут полюбопытствовать Пушкин.

– Да ночью не спалось что-то, – стал рассказывать Кошкин, – слышу, вроде как мышь в кухне хвостом по полу шуршит. Я, конечно, за ней, она в норку и я в норку. Прополз немного, а там развилка, две норы, значит. А над ними надписи награвированы, на одной стало быть «Азия» стоит, а на другой «Европа». И из той дыры, что Европой означена, так такие ароматы и благоуханья идут, просто спасу нет – сплошные тебе заграничные импортные зефиры! А из Азии так только одна вонь несусветная проистекает, непонятно даже зачем создатель и вообще такое несусветное изделие смастерил, видать не совсем в тех настроениях был.

– Ну, а мышь-то куда девалась? – поинтересовался Пушкин.

– Да Бог ее знает, да не об ней и речь. Ты, брат, собирайся лучше скорей.

Собрал Пушкин на скорую руку чемоданишко и отправились друзья, Кошкин да Пушкин, поскорей в Европу, то есть в нору. Добрались они до развилки, а там возле уже и будка полосатая стоит и солдат с ружьем вход в нору охраняет, а хмурый испитой таможенник, держиморда такая протокольная, из будки сурово поглядывает и плату с проходящих взимает.

– Вот же гады, – не удержался от возмущения Кошкин, – и тут уже успели. Во дают крохоборы! Бизнесмены похлеще американских! Ладно пошли в обход, там еще и другая – потайная, дырка имеется.

Ползли друзья тогда в другую норку, она, правда, не столь обширной оказалась, но ничего на безрыбье, как говорится, и из козла уха годится! Лезли, лезли, Пушкин все колени поощадал с непривычки, да и проход-то подземный совсем уж узок оказался.

– Как же, брат Кошкин, ты же говорил поедem в Европу, а мы все ползем да ползем!

– Ну, знаешь, брат Пушкин, – Кошкин отвечает, – иногда и жертвовать собой надо. Для себя ведь стараешься и для потомков, для лучшей жизни так сказать. Скажи уж лучше честно-откровенно, хочешь в Европу или нет?

– Конечно, хочу, – отвечал Пушкин, но как-то не особенно уверенно.

– Ну тогда ползи знай, да помалкивай, глядишь и до места скорей доберемся. А то ишь, мимоза какая подмосковная: «Я помню чудное мгновенье!» Жизнь это тебе не чудное мгновенье, а сплошная суета и борьба за существование! Они мгновенья-то эти, разве лишь в стихах чудными бывают, а в жизни оно, брат, совсем напротив. Вон Фауст-то у Гете, целый век чудных мгновений проискал, да так и не нашел. Ползи, брат, терпи, дерзай! Терпение и труд, говорят, позднее непременно как-нибудь да окупятся.

И ползли Кошкин да Пушкин дальше, а нора меж тем все уже и уже становится и уж и чемодан пушкинский в нее совсем не проходит.

– Да брось ты его, что ли к матери собачьей! – Кошкин говорит, – там в заграничах-то чемоданов этих – как грязи, никто на них и не глядит. В Европах оно, брат, все в изрядных количествах имеется и по весьма сходной цене. У них же автоматика кругом и все само собой делается. Бросай тебе говорю!

– Ну, а как же мне без чемодана-то? – никак не соглашается Пушкин, – Вам-то простым существам демократическим хорошо – зимой и летом одним цветом, а мне как дворянину

положено не меньше 30 рубашек и 20 туфель при себе иметь. Иначе и никакой благородной видимости не будет.

– Говори лучше прямо, хочешь в Европу или не хочешь? – не отступается Кошкин.

– Ну, хочу.

– Тогда бросай чемодан, – почти уже прорычал Кошкин, – а то пока мы тут с тобой лясы растаскиваем да препираемся, и здесь тоже будку поставят! И тогда уж отселева сроду не выберешься. Государство оно, брат, не дремлет, оно за счет нас кормится. И ежели все поразбегутся по границам, то и никакого государства не будет! И куда тогда всем господам правителям, управителям да чиновной братии деваться и чем заниматься прикажешь?

Бросил Пушкин чемодан, но все ж не удержался, однако, и выразить свои мнения: – Это же ужас просто, какой тиран этот Кошкин! Чистый Нерон! Прямо вылитый Калигула! – и пополз поспешно вослед за тираном.

Вот уж и день они ползут, и другой ползут, и третий, а Пушкин все только и спрашивает:

– Долго ли еще ползти-то, Кошкин? А то вот, сказывают, один как-то, так-то вот – все полз да полз, а потом и вылез из подземья-то где-то возле Саратова.

– Нет, уж с нами-то, брат, такого не случится, – успокоил Пушкина Кошкин, – мы совсем в другую сторону ползем, в европейскую. Может случайно, конечно, в Ригу, Краков или Прагу угодим, что не исключено, но скорей всего в Берлин, потому что уже вроде сосисками и капустой квашеной пахнет.

И в самом деле забрезжил, наконец, вдали лучезарный свет, а там уж и надпись пригласительная, в готических литерях, призывно фосфоресцирует – «Добро пожаловать в свободные Европы!».

Выбрались Кошкин да Пушкин наконец из норы на свет Божий, да такие чумазные будто сто лет не мылись. И платье на них от долгих ползаний основательно поистаскалось: с каких сторон ни глянь – голь перекатная, бомжи сибирские. Стали они тут, конечно, радоваться: достигли как никак земли желанной, обетованной.

– Тут уж и солнце совсем иначе светит и ярче и светлее даже. Да и дышится свободней, – восхищается Кошкин, – воздух вроде совсем иной.

– Да, брат, что ни говори, Европа! Истинная культура! Одно слово – прогресс! – вторит ему и Пушкин, – Как-то, кажется, и опьяняет даже.

– Это, верно, с голодухи, – поспешил объяснить Кошкин, – мы второпях про еду-то и забыли совсем. Но ничего щас где-нибудь подкрепимся, у них тут, говорят, колбасы и ананасы прямо на деревьях растут. Не горюй, Сашок, мы уж здесь непременно откормимся, глянь-ка какие тут кругом пузачи разгуливают!

А вокруг и действительно гулял народ весьма пышных и объемистых форм, у коего кроме самого живота также и спина, и руки, и ноги, и голова, и нос и даже уши казалось имели свои животы и были отменно пузатыми. Но водились там, как ни странно, и существа совсем иного сорта: по обочинам дороги устроилась нищая братия со всем присущим ей реквизитом – язвами, болячками, худобой, слепотой и хромотой.

– А откуда ж здесь нищие-то взялись? – удивился Пушкин, – Ты же вроде говорил что их в Европе не бывает?

– Да, верно, как и мы в нору тайком пролезли, – нашелся и тут Кошкин.

– И куда ж это мы собственно попали? – не удержался, однако, любопытствовать Пушкин, – в какое такое тридешатое место?

– А кто ж его знает, – окинул взором окрестности Кошкин, – может это Италия, а может и Швейцария, да нам-то татарам оно и все равно, лишь бы настоящий заграничный запад был. Поживем увидим. Ты радуйся лучше Шура, что в самые заграницы наконец-то попал.

Стал Пушкин радоваться, да только что-то плохо получается, потому что внутри как-то уж скучно и живот совсем подвело.

– Не худо б и съесть хоть чего-нибудь такое заграничное, – предался мечтаньям Пушкин, – одними-то восторгами сыт похоже не будешь.

– А пойдем-ка, брат, прямо в ресторан, – Кошкин говорит, – культурную европейскую пищу принимать. Вон чего-то там такое маячит – два шага ступить!

Пришли друзья в ресторан, а их не пускают:

– У вас вид, говорят, не того – не гигиенический, да и денег, по внешности судя, у вас должно быть нет. Так что давайте-ка: аванти, аванти – выметанти! Удаляйтесь-ка поскорей в свои трущобы покуда мы полицию не пригласили! – и все этак культурно, без грубости и мата – просто сплошной прогресс, сразу видно что Европа. Но ничего не поделаешь пришлось и путешественникам тут культурно удалиться – не пимши и не емши.

– Здесь, видать, без денег-то тоже не больно проживешь: без них похоже и нигде прогрессу не бывает! – загрустил Пушкин, – А может это и не Европа вовсе, а прибалтика там какая-нибудь или Польша?

– Да нас из ресторации-то вроде по немецки выпроваживали, – стал припоминать Кошкин, – А поди-ка спроси вот у лысого, он тебя чего-то с весьма отменным любопытством созерцает. И действительно некий благообразного вида господин исследовал фигуру Пушкина пытливым ученым оком.

– Месье, – обратился Пушкин к лысоватому господину, верно чтоб придать себе побольше весу и значения, не просто по французски, но совершенно – по парижски, – не скажете ли Вы, в столице какого европейского государства мы изволим находиться?

– Веймар, – неохотно процедил сквозь нос лысый господин и стал на всякий случай поспешно удаляться, очевидно опасаясь, как бы оборванцы не стали домогаться подавания или не дай-то Бог не напустили еще какой-нибудь заморской заразы.

– Э, да тут Гёте где-то обитать должен – корифей немецкого Парнаса, раз это Веймар, – заметил было Пушкин.

– Так и пошли, брат, к нему в гости, – обрадовался Кошкин, – он поэт и мы тоже вроде литераторы, собратья так сказать по занятию и перу.

– Да он таких оборвышей, верно, и не примет, – возразил Пушкин, – он тогда вот и Карамзина-то даже не принял, хотя тот и в полных марафетах явился.

– Ну, нас-то уж поди примет, – успокоил Кошкин, я брат, уж всю постараюсь. Я ведь на любой афедрон, хоть с ушами – хоть и без оных компанию составить могу. Выдадим себя за князей сибирских, он слышно аристократию-то шибко уважает.

И стали друзья выспрашивать у прохожих, где тут находится дом знаменитого писателя, мыслителя и поэта Иоганна Вольфганга Гёте. Известно, что язык и до Киева доведет, вот он и на сей раз не подвел и привел их прямо к самому дому творца «Фауста» и «Страданий юного Вертера».

Постучались путешественники и раз, и другой, и третий; сперва неназойливо, а затем уж правда и громко и даже настойчиво. Но ответом явилась лишь первозданная тишина, словно бы оказались они вдруг в еще несотворенном мире. Тут Кошкин, конечно, не утерпел, и любопытствуя дома ли хозяин, сперва заглянул, а потом уже и просто нахально влез в окошко.

– Я только гляну, говорит, может разморило там герра дихтера-то после обеда. Еда ведь известно – всякое существо расслабляет, вот и он задремал, наверно, – и с этими словами – прыг на подоконник, а оттуда и в самый апартамент.

Глядит Кошкин, а там в горнице-то сам Гёте за столом устроился и прямо, что твой Зевес – хозяин Олимпа восседает, да и сосиски с кислой капустой знай себе за обе щеки упивает.

– Эх, хорошо, право, великим писателем-то быть! Сытно, вольготно и со всех сторон приятно даже, – подумалось тут Кошкину с некоей даже завистью и с искательной улыбкой обратил он свой взор к великому Гёте.

Гёте же, надо сказать, хоть и писал порою про чертей и их хитроумного козлоногого повелителя, но был от природы весьма боязлив и встречаться с такими существами в реальности было ему, как видно отнюдь не желательно. И почему-то вдруг заключив, что к нему явился дух из самых глубин преисподней он изрядно перепугался, нырнул под стол и затаился так, будто бы и нет его вовсе в здешних земных пределах. Но заметив, однако, что дух более равнодушен к остаткам трапезы чем к его знаменитой персоне, Гёте даже несколько обиделся и стал почти беззвучным шепотком вопрошать из под стола:

– Дух запредельный, ответь кто ты? Из каких краев явился и чего тут обрести ищешь?

Он ведь ведал правило искушенных мистиков и каббалистов, по коему с духами следует заговаривать первым. И тогда нехитрым расспросом выведав, кто они и чего им надобно, ловкими словесами постараться так заморочить им мозги, что духи одурев станут совсем послушны чужой воле – духи ведь по сути глупы, как взрослые и наивны как дети.

Кошкин же был так голоден, что и не стал отвлекаться на посторонние разговоры, а сразу принялся за сосиски.

– Капусту, думает, Пушкину оставлю, пусть к вегетарианской пище привыкает, для поэтов она как-то и больше подходит, им служителям Парнаса и вообще лучше нектаром питаться.

А Пушкин слыша аппетитное чавканье Кошкина, и не в силах более сдерживать гнетущую пустоту чрева тоже полез вслед за приятелем в окошко. Гёте, узрев из под стола еще и Пушкина, испугался и того пуще. Он уважал и искусства и науки и сам занимался и каббалой и алхимией, и хоть и общался порой с духами, но все же изрядно их побаивался, равно как и особо едких химических веществ.

– Вот их уже двое, этих демонических персон, – думал Гёте, хотя чего он на самом-то деле думал верно никогда уж не узнать, – один вроде кот, а другой арап, и неизвестно сколько их там еще и снаружи ошивается. Может даже и целый легион всякой inferнальной нечисти! Верно не потрафил я чем-то князю тьмы, что насылает он вдруг сюда целые полчища бесов! И что ежели они эдак-то вот, сейчас всем кагалом влезут в окошко, повяжут да и потащат меня прямо в пекло?

Такая перспектива вряд ли бы показалась кому-либо заманчивой, посему не раздумывая более, Гёте схватил чемодан в охапку, да и махнул поскорей через черный ход напрямик в Италию, где правит, как известно, Ватикан и жители преисподней вряд ли смеют там появляться.

А лысый господин между тем, как честный лойяльный обыватель, успел уже сделать заявление в полицию: «де, по городу бродят какие-то очень подозрительные обдергаи, весьма темные с виду элементы – не то цыгане, не то татары и все выглядывают да выспрашивают про всякое и явно уж замышляют чего-нибудь нехорошее». И полицейские силы тотчас же и отправились, вооружась мушкетами, с саблями наголо и с собаками на ловлю означенных подозрительных субъектов, и неслышно подкравшись к жилищу Гёте по всем правилам военной науки осадили преступный вертеп со всех четырех сторон. Пушкин да Кошкин глянули было из окошка, а там на дворе сплошная полиция столпилась, да и велит немедленно сдаваться.

– Э, брат Пушкин, – заметил тут Кошкин, – против закона видать и в Европах не больно-то попрешь, надо брат видно и в правду сдаваться. Вон у них берданки-то да палаши какие – враз всю шкуру попортят!

– Ладно, – согласился Пушкин, – хоть я и не прочь иной раз подраться, да нынче уж просто силов никаких нет.

И видя явный перевес полицейских сил сдались они на милость стражей порядка и закона, надеясь впрочем, что в тюрьме-то их уж наверняка накормят. Повели их, словно как с почетным караулом в полицию, а народ местный на то гляючи меж собой такое судачит:

– Опять никак Аполиёна хранцузского словили, с Антихристом самим вместе. С острова отдаленного супостаты снова сбежали! По морю-окияну, слышно, пешком, как по суху, ока-янные притопали.

– Известное дело, дьяволу-то давно уж Аполиён-то энтот запродался за 30 целковых. Вдвоем и явились – чертово племя, снова смуту да беспорядки в Европах чинить, да слава богу обоих вот заарестовали.

– А ликом-то глянь-ка, один-то – истинный арап, а другой ну просто чистый кот, прямо тебе союз Сатаны с Антихристом выходит, как по писаному. Это ж надо! Теперь-то уж, верно, в мире вечный покой и порядок наступят.

А другие на то возражают:

– Он сам чистый архидиавол-то и есть! Их Хаполионов-то, слышно, семейство целое раз-велось, братьёв одних может аж 30 штук. Одного коли в темницу посадят, так другой на его место тотчас заступает. Отродясь не было покоя в мире да и впредь не будет, покуда дьявол-то энтот в сем мире хозяин. Про ерофантов-то рази не слыхали, теперь они кругом поразмножились на погибель существованью человеческому. И еще многие и иные суждения высказывались, потому как ежели не высказывать всякое, то и жить-то тогда неинтересно и скучно станет. Ну, а после, как доставили Кошкина да Пушкина в полицию так и допрос им тут же самый пристрастный чинить принялись.

– Кто вы, мол, такие есть, господа, и откуда заявиться изволили? Чем живете-промышляете и зачем тут свободно у нас погуливаете? И не Наполионы ли случаем замаскированные?

Кошкин тут же и поспешил взять первое слово :

– Мы, говорит, мирные лунные жители и как раз вот только только что вот свалились с самой Луны. А направляемся мы к известному господину герру барону Мюнхаузену в гости, с ответным дружеским визитом. Его баронская светлость, в бытность свою на Луне, платок свой носовой нечаянно обронили, вот мы и хотели оную принадлежность баронову ему безвозмездно вернуть. Потому как во первых это его собственность, а во вторых и несомненное доказательство, что он на Луне действительно побывал.

И Кошкин тотчас представил под полицейские очи свой собственный носовой платок изрядно помраченный от долгих употреблений.

– А почему вы такие оборванные? – полюбопытствовал все ж дотошный полицейский начальник.

– Да мы сперва-то, конечно, при полном параде, как оно и надлежит благородным инопланетным путешественникам, по космосу летели. А как ступили на ваши местные облака, то и оборвались, поскольку они непрочные. Вот и стали тут тогда уж совсем оборванцы. Пушкин, хоть голод его кажется совсем уже сморил, не мог тут удержаться от смеха.

– А чего он смеется-то этак вдруг? – изумились тут полицейские – Не псих ли?

– Ах, да он не смеется вовсе, а печалится, – ловко отвечив на то Кошкин, – Так уж у нас на Луне особенно глубокая печаль выражается, не воем да плачем, как на вашей планете, а просто смехом. Иной народ – иные и привычки!

Тут Пушкин залился смехом еще и пуще того, ржет и ржет себе, и ничем его не остано-вишь. А полицейский, рыжий такой: крысиная совсем рожа, да еще и в крапинку, в генералы уж точно, гад, без мыла пролезть хотел, тут и говорит:

– Врут они всё, – говорит, – барон-то Мундхаузен давно уж спокойно себе преставившись, царство ему небесное. А у ентих-то персонов – хари уж больно прехитрые, они верно какие-то воры, хоть и с Луны свалимшись.

– Вишь ведь оно как, – ничуть не смутился Кошкин, – времена-то на планетах везде свои собственные. Да и путь-то от Луны не близкий, пока до Земли-то до матушки дотопали уж и полвека почти минуло. Сего-то мы как раз и не учли, что барон-то, как и все прочее в мире – не вечен.

А Пушкин после смеха впал вдруг в тихую меланхолию и помалкивал себе в тряпочку, как вроде совсем неинтересно ему чем сей межпланетный контакт, наконец, завершится.

Тут полицейский, который с протокольной мордой и говорит: – В тюрьму их надо голубчиков отправить, чтоб другим не повадно было бесполезно по свету шататься, да с иных планет еще и падать в чужие края. Если и все так-то, как яблоки, к нам валиться начнут, то тесновато тогда в Европе станет, она ведь не резиновая, да и законный порядок тогда совсем нарушится, они ведь законов-то наших не знают и соблюдать их стало быть не станут.

– Ну и порядки тут у вас, однако! – возмутился тут Кошкин, – никаким гостеприимством-то даже и не пахнет. Мы вон сколько пространств пересекли с риском для личного здоровья, с дружеским визитом к вам поспешая, а вы в тюрьму нас упечь грозите. Где ж тогда, извините за выражение, ваша европейская гуманность и вообще права неприкосновенности человека?! Вы нам лучше хлебушка сперва дайте, напоите накормите, а потом и расспрашивайте по человечески. Мы вон как ослабели совсем без питаньев и внутри у нас даже полный вакуум беспредметный образовался, что и языки-то у нас едва уж шевелятся.

– А чего ж вы к Мюнхаузену вроде бы направлялись, а вдруг совсем уж в ином месте – в доме у Гёте очутились? – полицейский начальник хитро эдак возражает.

– Да мы с приземлением-то слишком поспешили и местом несколько ошиблись, ну и думаем и Гёте тоже ведь писатель-сочинитель, свой человек должно быть. Хоть и не барон, но гостям-то с иной планеты верно уж обрадуется. Он бы по нашим-то рассказам о Луне роман поэтический, например, «Вертер на Луне» или поэму романтическую «Лунный Фауст» сочинить бы мог, да вот невесь с чего вдруг в Италию рванул.

Стала тут полиция, конечно, в разные высшие инстанции извещать, потому как нечто уж такой небывалой необыкновенности случилось – два лунных обывателя с самой Луны свалились! Ну, а как с ними быть по малости чинов, полицейская сила сама решений принять, конечно, не смела. В тюрьму ли что ли их упрятать или обратно на Луну из пушки выстрелить? Вот в чем двойственная каверзность заключалась!

Да и что же это в самом-то деле будет, ежели вдруг и все прочие лунные и иных планет жители так просто с Луны и прочих мест в Европу нелегальным манером сваливаться начнут? И пошла тут такая словесная канитель да перебранка коей прежде в Германиях и не нюхивали. Одни говорят:

– Надобно границы в небе учинить, чтоб ничего оттуда сверху к нам впредь не падало.

А другие напротив глаголют:

– Пусть, говорят, хоть все сколько их там есть к нам падают. Мы их к нашему языку и обычаю приучим и будут они совсем как мы, потому как пришла пора всем планетам объединиться в одну всеобщую всемирную-вселенскую страну и в один космический космополитический народ. Чтобы было все человечество земное и неземное, как бы совсем одно тело!

Но первые, однако, на то возражают:

– Хорошо, говорят, если мы их в нас переделаем, а коли они нас в них? Нет не желаем таких экспериментов! Пусть они лучше там в своих неземных сферах пребывают, а мы уж у себя в наших.

И долго б наверно длились эти споры, когда б про гостей этих лунных не прослышал король монет и векселей из Франкфурта – известный барон Ротшильд, тогда правда еще совсем неизвестный и не барон даже, а просто местный обыватель, но однако банкир. А как прослышал, то и помчался тотчас к герцогу тех мест:

– Так, мол, и так ваше уважаемое величество, князь-герцог, желая избавить Вас от неприятной межпланетной проблемы, решил я лунных персон этих самых у вашей милости купить.

А герцогу как раз и деньги до зарезу нужны, у них у графов-то герцогов завсегда в деньгах нехватка. Стали они тут, конечно, рядиться, потому как герцогу хочется побольше из барона будущего выудить, а Ротшильд напротив старался всегда не слишком потратиться.

– На три миллиона не меньше товар сей потянет, – герцог говорит, – Два миллиона за обе персоны эти, значит, да еще миллион мне в подарок за мое в Вам благорасположение.

А Ротшильд герцога этого таким весьма ловким словом в ответ урезонивает:

– Эки шутики, говорит, Ваше герцогское величество видно спятило что ли совсем, этакую-то цену заламывать! Вы мне еще с прошлых разов пару мильёончиков позадолжали, не в упрек вашей милости будь сказано, а разве к примеру. Персоны-то эти может того вовсе и не стоят. Может и не с Луны они вовсе свалились, а из обычной женской утробы вышли и только так говорят, чтоб цену себе повесить. И полтыщи-то еще за таких олухов, пожалуй что многовато!

Герцог, поразмылив и так и этак решил, что ежели не уступить, то тогда может никакого покупателя и вообще не случится, и поскольку в деньгах нуждался, как обычно зело остро и – аж до самого последнего зарезу, то согласился и на полтыщи.

Ну, а Ротшильд с радости, что окрутил герцога так ловко тут же и заказал для персон лунных клетку-кибитку на колесиках, навроде тех, что для зверей диких делаются, но снаружи позолоченную: дабы всякому предмету, что в клетке отныне помещаться станет, важности и значительности поприбавилось. На совсем золотую, однако, же поскупился, думая что для блеску наружного и того уж достанет.

Посадил барон обоих литераторов русских Пушкина да Кошкина в клетку, и стал с той поры возить по всему белу свету для показу, якобы как самых всамделишных лунных аборигенов. А друзьям сочинителям российским, деваться-то, совсем уж некуда было, да и лучше уж по Европе в золоченой клетке раскатывать, чем за железной решеткой в тюрьме пропадать или же из пушки назад на Луну выстрельнутыми быти.

Спешно обрядили их в наряды, как казалось барону, для инопланетных существ вполне соответственные: этакой дикой смесью турецкого с китайским и африканским, но для европейского ока лунатики иными и не представлялись! Хотя кто ж их когда, лунатиков-то видел? Их может и не бывает вовсе в природе! Ну, а народ-то простой и всегда уж на всякие диковинки небывалые радоваться горазд. Глядит, не то чукчи, не то китайцы какие-то африканские в клетку посажены и в совершенно лысых прическах.

– Эки, бает народ, чучелы-то лунные! И как они сами-то себя не пугаются. Мы бы так пужались.

Публика и всегда-то охоча до редкостных зрелищ, а тут, нате вам, и возможно ль такое? – совершенно инопланетная необыкновенность! Вот и валили туда сплошным человеческим валом зеваки всех сортов – волна за волной. А на вечерние представления при свечах так и вообще никогда не бывало отбою, хотя и плата повышалась вдвое против обычной.

Но поскольку лунатики показывались в самых натуральных и неприукрашенных видах и даже и без малейших намеков на покровы, а просто в откровенных нагишах, то и непомерно высокая цена тут уж никого не останавливала. Дамы от созерцаний нагих инопланетных мужей, правда, нередко доходили до оргазма и обморока, а кавалеры и молодые и пожилые только задумчиво сопели да почесывались, выражая озабоченное удивление единым лишь словом «однако».

Так в позолоченной клетке-кибитке и объехали, друзья – не разлей вода, пожалуй, сто-крат всю Европу, как вдоль – так и поперек: навеваясь, то в Париж, то в Рим или Лондон, то в Берлин – прочие же города и городишки не стоят и упоминаний, ибо, право, было их неисчислимое множество.

Ну, а ежели кто уж особенно дотошный и до самых мелких деталей интересуется сим предметом, так пусть просто взглянет на карту или на глобус: и кругом куда бы только ни ткнулся случайно взор в европейскую обширную пространственность, то непременно в местах тех Пушкин с Кошкиным не однажды уже побывали. Даже и через самый океан в отдаленную Америку в Нуль Ёрк и в Блошингтон – стольный град американский, завернуть не преминули.

Так что и представление лунных персон скоро уже повытеснило и все прочие зрелища, как то: голых баб с рыбьими хвостами или с бородами, да и восковые королевские персоны тож, хоть с головами – хоть и вовсе без оных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.